

ДОКЛАДЫ

Д. В. Подлесный

ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ ПРИЕМА В ВЫСШУЮ ШКОЛУ: ОПЫТ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА (1917–1921 гг.)

В академических кругах современной Украине продолжают активные дискуссии вокруг правил поступления в высшую школу. Последнее неудивительно, поскольку от правил приема напрямую зависит не только «качество» зачисляемого в вузы контингента, но и доступность высшего образования для всех социальных слоев. Поэтому сегодня достаточно актуальным является изучение отечественного и зарубежного опыта в данной сфере. В том числе, и опыта, полученного в период Революции и Гражданской войны 1917–1921 гг., когда в основу реформирования высшей школы были положены самые разные образовательные и идеологические доктрины. При этом следует отметить, что проблема, рассмотрению которой посвящена данная работа, до сих пор не была предметом специального исследования.

По состоянию на начало 1917 г. в Российской империи действовали достаточно жесткие правила приема в государственную высшую школу, которые закрепляли целый ряд образовательных цензов – гендерный, национально-религиозный и политический. Наибольшую критику со стороны либеральной общественности вызывал гендерный ценз, согласно которому двери большинства государственных вузов были закрыты для лиц женского пола. Введенный в 1887 г. национально-религиозного ценз состоял в наличии фиксированной квоты на зачисление в вузы лиц иудейского вероисповедания (вне зоны оседлости евреи могли составлять лишь до 5% от общего числа учащихся) [1, с. 286]. Политическим фильтром при поступлении в высшую школу выступало требование относительно обязательного предоставления справки о политической благонадежности, которая выдавалась полицией. Обязательным требованием к абитуриентам также было наличие

полного среднего образования, которое давали классические гимназии, реальные и коммерческие училища, учительские институты.

Февральская революция 1917 г. и приход к власти Временного правительства обусловили начало системного реформирования высшей школы, в основу которого была положена либеральная доктрина. Уже в марте 1917 г. Министерством народного просвещения было издано распоряжение об отмене требования о предоставлении абитуриентами справки о политической благонадежности [2]. В начале июня 1917 г. были опубликованы новые Правила приема в университеты, согласно которым ликвидировались гендерные и национально-религиозные ограничения права на поступление в государственные университеты. Как подчеркивалось в правилах: «В университеты принимаются на одинаковых основаниях лица обоего пола без различия национальности и вероисповедания, получившие аттестаты зрелости или равные им свидетельства» [3]. Аналогичным изменениям подверглись и правила приема в технические вузы. Таким образом, при изменении правил приема в высшую школу Министерство народного просвещения исходило из принципа обеспечения всеобщего права на получение высшего образования. При этом следует отметить, что реализованное Временным правительством нормативное закрепление гендерного и национально-религиозного равноправия в сфере получения высшего образования стало беспрецедентным шагом не только в российской, но и мировой истории. Даже в США и странах Западной Европы проблема обеспечения права женщин на высшее образование была полностью решена лишь в 60-е гг. XX века [4].

Принципиально иной подход к реформированию правил приема в вузы был предложен в период установления советской власти. Одним из важнейших направлений советского реформирования высшей школы стала, так называемая, пролетаризация студенческого контингента, т. е. привлечения в высшую школу выходцев из рабочего класса и беднейшего крестьянства, которые составляли основу социальной базы большевиков. В рамках реализации данного курса Совнаркомом УССР был принят целый ряд мер, призванных «подстроить» правила приема в высшую школу под

массовое зачисление лиц пролетарского происхождения. Во-первых, согласно принятому 2 марта 1919 г. Декрету о приеме в высшие учебные заведения было снято требование о наличии у абитуриента среднего образования (у поступающих запрещалось требовать какие-либо документы или дипломы, кроме удостоверения личности). Данная норма имела ключевое значение исходя из того, что в силу целого ряда в бывшей Российской империи среднее образование было прерогативой, прежде всего, привилегированных слоев общества – дворянства, духовенства и буржуазии (так, к 1914 г. доля детей «низших сословий» достигала 20% в гимназиях и 26% в реальных училищах) [5, с. 48]. Во-вторых, с 1920 г. Совнаркомом УССР стала внедряться политика позитивной дискриминации в пользу советских активистов и выходцев из трудящихся классов. Согласно Инструкции о приеме в вузы, которая была принята 8 мая 1920 г., в высшую школу должны были, в первую очередь, приниматься дети трудящихся, члены профсоюзов, КП(б)У и социалистических партий, стоящих на советской платформе [6, л. 97]. Наконец, в-третьих, уже с 1919 г. стала формироваться система довузовской подготовки (нуль-семестры, рабфаки) для выходцев из пролетарской среды, за счет чего предполагалось решить проблему отсутствия у абитуриентов базовых знаний и учебно-научных компетенций, необходимых для обучения в высшей школе.

Представляется, что изменения правил приема в вузы, происходившие в период установления советской власти, невозможно оценить однозначно. С одной стороны, нельзя не согласиться с теми учеными, которые утверждают, что замена академических критериев «профпригодности» абитуриента социальными, закономерно повлекло за собой снижение качества высшего образования [7]. С другой, политика пролетаризации открыла дверь высшей школы для представителей всех сословий и обусловила ее выход на принципиально новые количественные показатели (так, в 1925 г. на 10 тыс. населения в УССР приходилось 17,5 студентов – почти в два раза больше, чем до революции) [8]. Последнее, несомненно, имело позитивное значение как с точки зрения обновления интеллектуальной элиты, так и в контексте постоянно растущей потребности в квалифицированных

специалистах в условиях послевоенного восстановления экономики и провозглашенного в 1925 г. курса на индустриализацию

Таким образом, в 1917–1921 гг. правила приема в отечественную высшую школу подверглись коренным изменениям, которые были беспрецедентны не только в украинском или российском, но и мировом масштабе. При этом в основу реформирования правил приема были положены две принципиально разные политико-идеологические и образовательные доктрины. Временное правительство России исходило из либеральной политической доктрины, которая базируется на равенстве прав, но не реальных возможностей. Разработанные им правила приема в вузы ликвидировали дореволюционные образовательные цензы и обеспечивали формальное равноправие в получении высшего образования для всех слоев общества. В свою очередь, советская власть ставила во главу угла обеспечение массовости высшего образования и пролетаризацию студенческого контингента, которая обусловила частичную замену академических критериев зачисления в высшую школу социально-классовыми. Искусственно созданные вступительные привилегии для выходцев из среды городского и сельского пролетариата создавали реальные предпосылки для массовости высшего образования, но одновременно понижали планку академических требований к абитуриентам, вследствие чего рост количества студенческого контингента проходил на фоне снижения качества образования.

Литература

1. Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века / А. Е. Иванов. – М. : АН СССР, 1991. – 392 с.
2. Хроника // Речь. – Петроград, 1917. – 11 марта.
3. Правила приема в университеты // Речь. – 1917. – 14 июня.
4. Муравьева М. Г. История женского образования [Электронный ресурс] / М. Г. Муравьева. – Режим доступа: <http://gender.academic.ru/398/>.
5. История города Харькова XX столетия / А. Н. Ярмыш, С. И. Посохов, А. И. Эпштейн [и др.]. – Х. : Фолио : Золотые страницы, 2004. – 686 с.
6. Харьковский государственный областной архив. – Ф. Р-820. – Оп. 1. – Д. 12.

7. Лопатин Л. Н. Качество советской вузовской системы – мифы и реальность / Л. Н. Лопатин // Вопросы образования. – 2008. – № 2. – С. 186–199.

8. Вища школа Української РСР за 50 років : у 2 ч. / відп. ред. В. І. Пітов. – К. : Вид-во Київ. ун-ту, 1967. – Ч. 1. – 395 с.

О. В. Дурандина

ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ ГИБКИХ ИНДИВИДУАЛИЗИРОВАННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ

На современном этапе преобразования высшего образования в Украине особую актуальность приобретает поиск организационных моделей и технологий, обеспечивающих самоопределение обучающихся в планировании и прогнозировании собственной образовательной деятельности.

В связи с этим заслуживает внимания изучение европейского опыта построения гибких индивидуализированных образовательных моделей. Так в 1993 г. в Варшавском университете была разработана система междисциплинарного индивидуального гуманитарного образования (Miedzywydzialowe Indywidualne Studia Humanistyczne – MISH). За основу был взят опыт, накопленный Чикагским университетом (США).

Помимо Варшавского университета, MISH также существует в таких университетах как:

- Силезский университет в Катовице;
- Торунский университет им. Николая Коперника;
- Краковский Ягеллонский университет;
- Люблинский католический университет им. Иоанна Павла;
- Познанский университет им. Адама Мицкевича;
- Вроцлавский университет;
- Люблинский университет Марии Кюри-Складовской.

Опыт варшавской Коллегии MISH оказался ценным также в украинской научной среде: в декабре 2002 г. благодаря сотрудничеству между Государственным университетом им. Ивана Франко и Украинским католическим университетом аналогичные